

Люблинский Павел Исаакович

**Неприкосновенность
личности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Исаакович Л.**
Неприкосновенность личности / Люблинский Павел Исаакович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-94440-3

ISBN 978-5-519-94440-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Неприкосновенность личности.

I.

Каждый сознательный человекъ больше всего цѣнитъ свою личную свободу. Онъ выработалъ въ себѣ извѣстныя убѣжденія и взгляды, которые онъ полагаетъ въ основаніе своей дѣятельности и на которыхъ лежитъ печать его личности и его умственного облика. Человекъ сильный, выдающійся изъ среды остальныхъ, самостоятельно вырабатываетъ свои взгляды, порою на много опережая свое время; проводя эти взгляды въ жизнь, онъ толкаетъ общество по пути развитія впередъ. Онъ является творцомъ и двигателемъ общественнаго прогресса, оставляющимъ порою на многіе годы яркій слѣдъ въ исторіи. Человекъ средній впитываетъ въ себя взгляды и воззрѣнія окружающей его среды, но воспринимаетъ ихъ такъ же свободно и въ такой же мѣрѣ считаетъ ихъ своими, какъ и тотъ, кто самостоятельно выработалъ ихъ.

Свобода убѣжденій и мыслей была бы благомъ весьма отвлеченнымъ, если-бы каждый не имѣлъ права проводить эти убѣжденія въ жизнь. Свобода духа есть внутреннее благо, свобода дѣятельности есть благо общественное. Свободный общественный строй предполагаетъ существованіе такого порядка, при которомъ личности была бы обезпечена возможность дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, такъ какъ только тогда личность сможетъ творчески проявить себя. Безъ этой возможности свобода явля-

ется благомъ призрачнымъ: она скорѣе вызываетъ неудовлетворенность, чѣмъ свѣтлое чувство радости.

Но свободная дѣятельность человѣка не безгранична. Въ жизни ей поставлены границы не только природой, но и закономъ. Стоя на стражѣ интересовъ общежитія, законъ ставитъ предѣлъ каждому, указывая, куда онъ не можетъ вторгаться, не рискуя тѣмъ самымъ нарушить свободу и права другихъ лицъ. Если бы такой границы не существовало, то неправильно понимаемая свобода легко могла бы привести къ общему междуусобию и анархiи. Общество людей, въ которыхъ сознание общественнаго долга развито высоко, можетъ быть, и мало нуждается въ внѣшнемъ установленіи такой границы: имѣющееся у каждого сознание ответственности заставитъ каждого ограничить себя въ тѣхъ случаяхъ, когда ему будетъ ясна проистекающая отъ его дѣйствій опасность для другихъ. Но если такое сознание еще слабо, то необходимымъ дополненіемъ свободы дѣятельности является законъ, въ частности законъ уголовный, который предупреждаетъ каждого, что нарушеніе извѣстныхъ границъ повлечетъ для него тяжелыя послѣдствія, такъ какъ этимъ создается опасность для общежитія. Уголовные законы, ставящіе такіе ограниченія свободѣ, въ свободныхъ и демократическихъ странахъ создаются представителями всего народа, и потому могутъ считаться «общей волей». Они выражаютъ въ себѣ убѣжденіе лучшихъ людей народа о томъ, гдѣ лежатъ естественныя границы допустимой свободной дѣятельности и что нарушало бы условія мирнаго существованія общества или государства. Когда люди достигнутъ высшей нравственности, существованіе уголовныхъ законовъ, быть можетъ, и станетъ излишнимъ, такъ какъ люди во всемъ будутъ слѣдовать голосу совѣсти и общественной симпатіи, но современное человѣчество еще далеко отъ этого состоянія.

Итакъ, въ современномъ обществѣ свобода убѣжде-

ній и мыслей безгранична, но свобода дѣятельности ограничивается запретами уголовного закона. Не преступная предѣловъ этого закона, человекъ воленъ дѣйствовать такъ, какъ ему заблагоразсудится. Онъ считается только со своей совѣстью и съ сознаніемъ нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія. Но если эти предѣлы нарушены, то общественная власть получаетъ право не только прекратить вредную дѣятельность, но и привлечь виновнаго къ законной отвѣтственности.

На такомъ пониманіи свободы и держится то правовое благо личности, которое зовется неприкосновенностью личности. Это благо, какъ мы сейчасъ увидимъ, является основнымъ устоемъ современнаго правового государства, при отсутствіи же его наступаетъ порядокъ, который называютъ деспотическимъ, будь то деспотизмъ самодержавный, или демократическій.

Выраженіе «неприкосновенность личности» раньше имѣло очень широкое содержаніе и очень тѣсное примѣненіе. Это благо принадлежало только знатнѣйшимъ лицамъ въ государствѣ: монарху, верховнымъ судьямъ и жрецамъ, посламъ иностранныхъ государствъ. Подъ нимъ понималась нѣкоторая святость лица, причемъ, одно самовольное прикосновеніе къ такому лицу разсматривалось какъ преступленіе и влекло тяжкія наказанія. Это была неприкосновенность, которою окружилъ Моисей свои Скинии Завета, въ которыхъ хранились скрижали; это было «табу» дикарей, карающихъ смертью прикосновеніе къ священному или нечистому. Остатки такого пониманія неприкосновенности личности просуществовали до самаго послѣдняго времени. Такъ у насъ въ уголовномъ уложеніи до самой революціи сохранилась ст. 99, каравшая смертною казнью лицо, «посѣгнувшее на неприкосновенность священной особы царствующаго императора, императрицы или наслѣдника пре-

стола», а ст. 5 основныхъ законовъ 1906 г. постановляла, что «особа государя императора священна и неприкосновенна». Остатки идеи неприкосновенности священнослужителей, пословъ, высшихъ должностныхъ лицъ сохранились въ видѣ особо тяжкой отвѣтственности за оскорбленіе ихъ чести и за насиліе надъ ихъ личностью.

Такое представленіе о неприкосновенности личности является отмирающимъ остаткомъ прошлаго, тѣсно связаннымъ съ необходимостью охраны носителей самодержавной верховной власти. Оно окружало вмѣстѣ съ тѣмъ и личность ихъ особымъ ореоломъ величія и святости, ставя ихъ высоко надъ всѣми остальными. Это качество, свойственное скорѣе святымъ, чѣмъ людямъ, было отраженіемъ стараго строя, и не его мы имѣемъ въ виду, говоря о неприкосновенности личности, какъ объ основномъ правовомъ благѣ гражданина.

Правовой строй принесъ намъ иное пониманіе этого слова. Если въ прежнее время, говоря о неприкосновенности, разумѣли подъ нею особую охрану носителей власти отъ всего населенія, то теперь, напротивъ, разумѣютъ охрану неприкосновенности личности всего населенія отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны власти. Въ произвольныхъ дѣйствіяхъ власти таится большая опасность для народной свободы и нужно защитить каждого отъ того, чтобы онъ не сталъ жертвою произвола. Съ этою цѣлью противъ возможнаго произвола власти вырабатывается рядъ мѣръ, которыя называютъ гарантіями, и къ числу такихъ гарантій принадлежитъ неприкосновенность личности.

Неприкосновенность, какъ право каждого гражданина, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Это есть право, опирающееся на сознаніе возможности поступать и дѣйствовать соотвѣтственно своимъ убѣжденіямъ, въ предѣлахъ, опредѣленныхъ уголовнымъ

закономъ, не опасаясь при этомъ насильственного противодѣйствія со стороны власти или частныхъ лицъ. Насильственными дѣйствіями, нарушающими личную неприкосновенность, чаще всего являются: аресты, высылки, лишеніе свободы, тѣлесныя истязанія. Свободный строй исключаетъ всякое противозаконное насиліе, законныя же полномочія принятія принудительныхъ дѣйствій онъ сохраняетъ только за органами власти, несущими за неправильное примѣненіе ихъ особую отвѣтственность. Частнымъ лицамъ дозволяется прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ въ случаяхъ неотложной крайности, какъ, напр., при необходимости оборонѣ себя или другихъ отъ разбойнаго нападенія или другого тяжкаго преступленія, или при задержаніи виновнаго на мѣстѣ преступленія до прибытія власти.

Признаніе за гражданиномъ права на неприкосновенность не лишаетъ общество возможности примѣнить къ нему принудительныя мѣры, когда это будетъ вызываться общественной необходимостью. Но эта возможность обставлена такими гарантіями, которыя всячески мѣшаютъ проникновенію въ эту область произвола. Этими гарантіями являются: 1) точное указаніе въ законѣ случаевъ, когда гражданинъ можетъ быть подвергнутъ принужденію; 2) установленіе каждый разъ судомъ наличности условій, допускающихъ принятіе такой принудительной мѣры и 3) предоставленіе гражданину возможности привести свои доводы противъ примѣненія къ нему принужденія.

Остановимся сначала на нѣкоторыхъ примѣрахъ, показывающихъ необходимость для общества въ отдѣльных случаяхъ подвергать гражданина принужденію. Если кто-либо собирается совершить преступленіе, напр., бросается съ ножомъ на другого, или хочетъ ударить его, то никому не придетъ и на умъ спросить себя, имѣю ли я право вмѣшаться и отобрать ножъ у нападающаго или даже, въ случаѣ

необходимости, задержать его, чтобы помѣшать ему совершить преступленіе. Если собралась толпа съ какою-либо преступною цѣлью, напр., чтобы громить кого-либо, то едва ли кто станетъ отрицать право органовъ власти помѣшать движенію этой толпы, а въ соотвѣтственныхъ случаяхъ и разсѣять ее при помощи принужденія. Если кто-либо такъ построилъ свой каменный домъ или лѣса вокругъ строящагося дома, что они грозятъ каждую минуту рухнуть и причинить тяжкія увѣчья или смерть случайнымъ прохожимъ, то для каждого ясно, что власть можетъ предписать устранить эту опасность исправленіемъ или снесеніемъ неправильно построеннаго дома или лѣсовъ вокругъ него, и если собственникъ не сдѣлаетъ это добровольно, то власть можетъ произвести нужныя дѣйствія принудительно и за его счетъ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ принудительная дѣятельность власти служить къ тому, чтобы устранить грозящую опасность обществу или отдѣльнымъ лицамъ, и мѣры, принимаемыя для такой цѣли, называются мѣрами предупрежденія.

Въ другихъ случаяхъ принужденіе примѣняется для того, чтобы прекратить начавшуюся уже преступную дѣятельность, помѣшать ей развиваться и, тѣмъ самымъ, причинять болѣе большой общественный вредъ.

Такія мѣры называются мѣрами пресѣченія. Такъ, если преступникъ постоянно занимается кражами, поджогами, насиліемъ, то послѣ уличенія его въ такихъ дѣйствіяхъ, его можно подвергнуть аресту, чтобы помѣшать ему продолжать преступную дѣятельность. При старомъ строѣ, очень опасавшемся «политической неблагонадежности», власть часто прибѣгала въ высылкѣ заподозрѣннаго въ Сибирь, «въ мѣста не столь отдаленныя», съ цѣлью пресѣчь вредную для нея агитацію его въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Это было грубымъ произволомъ, такъ какъ человѣкъ здѣсь неся тяжкія взысканія за одно распространеніе

своихъ убѣжденій. Мѣрой пресѣченія является также отобраніе оружія или орудій преступленія (напр., орудій взлома, отмычекъ и пр.) въ тѣхъ случаяхъ, когда они предназначались или были употреблены для преступной цѣли.

Примѣненіе принужденія въ цѣляхъ предупрежденія и пресѣченія преступленій было излюбленнымъ средствомъ нашего стараго строя, который имѣлъ особый «Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій», въ которомъ были изложены случаи, когда полиція могла или должна была вмѣшиваться въ частную жизнь. Въ этомъ уставѣ, который съ большимъ соотвѣтствіемъ можно было бы назвать «уставомъ полицейскаго попеченія», говорилось о самыхъ разнообразныхъ сторонахъ жизни, которыя подлежали неослабному наблюденію полиціи. Такъ, полиція должна была наблюдать за сохраненіемъ благочинія въ церквахъ и внѣ церквей, предупреждать расколы и ереси, открывать составителей пасквилей и подметныхъ писемъ, блюсти благочиніе при домашнихъ забавахъ и увеселеніяхъ, бороться съ роскошью и мотовствомъ, предупреждать пьянство, доносить о развратномъ поведеніи различныхъ категорій обывателей, предупреждать споры, брань и драки, пресѣкать запрещенныя игры и лоттереи и мн. др. Этотъ уставъ рисовалъ себѣ російскаго обывателя, ведущимъ свое мирное житіе подъ бдительнымъ надзоромъ и подъ опекой полиціи, оберегавшей его отъ всякихъ опасностей, грозившихъ его спокойствію, нравственности, или собственности. Съ половины XIX вѣка такое положеніе полиціи въ отношеніи обывателя начинаетъ мѣняться. Полиція начинаетъ служить органомъ «поддержанія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»—взглядъ, нашедшій свое яркое выраженіе въ положеніи 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка. Въ силу этого закона полиціи были предоставлены чрезвычайныя полномочія

для примѣненія принужденія противъ всякихъ «неблагонадежныхъ» лицъ, т. е. тѣхъ, которые были заподозрѣны въ несочувствіи царскому самодержавію или системѣ чиновническаго самовластія (бюрократіи). Съ этого времени полиція перестала быть мирной опекуной населенія, она стала органомъ сыска и провокаціи. Она забыла о предупрежденіи и пресѣченіи бытовыхъ опасностей, а стала предупреждать и пресѣкать крамолу, т. е. всякое разногласіе съ господствующимъ строемъ.

Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи, перепечатанный въ 1916 г. подъ названіемъ «Устава благочинія и безопасности», до сихъ поръ пытается слѣдить за каждымъ шагомъ обывателя. Такъ, по этому уставу обыватель долженъ входить въ церковь «безъ усилія» и пребывать въ ней «со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и всякомъ почтеніи». Въ воскресные и торжественные дни онъ долженъ, «воздерживаясь отъ безпутной жизни болѣе, нежели въ другіе, ходить въ церковь къ слушанію службы Божіей, а особливо къ литургіи». Ему запрещаются лжепредсказанія и лжепредзнаменованія, а также выдача себя за колдуна и чародѣя. Ему воспрещены обманы словомъ, письмомъ или дѣйствіемъ, разсѣиваніе лжи и клеветы. Во всѣхъ случаяхъ имущественныхъ похищеній онъ долженъ доносить полиціи и способствовать ей при поимкѣ виновныхъ. Онъ не долженъ открывать домъ свой для непотребства или устраивать дома забавы и увеселенія, когда въ нихъ входитъ что-либо, законамъ противное и т. п. Такимъ образомъ, почти каждый шагъ обывателя, даже въ области самыхъ интимныхъ сторонъ его религіозной, домашней жизни, могъ быть «пресѣченъ» полиціей.

Новое пониманіе задачъ предупрежденія и пресѣченія рѣзко расходится со старымъ. Примѣненіе принудительныхъ мѣръ, ограничивающихъ политическую или религіозную свободу, совершенно не допускается.

Вмѣшательство полиціи возможно только тогда, когда личности или имуществу окружающих грозит серьезная опасность отъ предполагающагося или совершающагося преступленія. Власть полиціи исчерпывается только арестомъ на срокъ не свыше 24 часовъ или отобраніемъ предмета, причемъ въ кратчайшій срокъ дѣйствія полиціи подлежатъ провѣркѣ со стороны суда. Полицейская опека, какъ противорѣчащая свободѣ личности, упраздняется во всѣхъ ея формахъ.

Главнымъ видомъ принужденія, извѣстнымъ современному государству, является принужденіе въ силу судебного приговора или постановленія. Судъ примѣняетъ это принужденіе или въ видѣ наказанія за содѣянное, или въ видѣ мѣръ безопасности, или въ видѣ принудительнаго исполненія.

Мѣры принудительнаго исполненія примѣняются, съ разрѣшенія суда, въ томъ случаѣ, когда на гражданина лежитъ какая-либо обязанность въ интересахъ общей безопасности, отъ исполненія которой онъ упорно отказывается. Судъ предоставляетъ въ такихъ случаяхъ полиціи принудительно или за счетъ обязаннаго исполнить требуемое закономъ. Такъ, если кто-либо незаконно хранитъ у себя оружіе или взрывчатые вещества и отказывается ихъ выдать, судъ можетъ предписать сдѣлать у него выемку этихъ предметовъ. Если кто-либо содержитъ въ грязномъ, угрожающемъ здоровью жильцовъ, состояніи свой домъ и отказывается самъ привести его въ надлежащее состояніе, судъ можетъ разрѣшить полиціи принять необходимыя мѣры за счетъ домовладѣльца. Такое принудительное исполненіе, конечно, мыслимо только въ области внѣшнихъ обязанностей и не можетъ примѣняться тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ убѣжденіи религіозномъ, политическомъ, нравственномъ. Здѣсь государство иногда рѣшается, все же, примѣнять наказанія (напр., при отказѣ по нравственнымъ основа-

ніямъ исполнить воинскую повинность), но отказывается отъ мѣръ принужденія.

Наказаніе есть принудительное и тяжкое для виновнаго послѣдствіе, назначаемое отъ лица судебной власти за содѣянное имъ нарушеніе закона. Въ прежнее время оно затрагивало его жизнь, тѣлесную неприкосновенность, свободу, честь, общественныя права, имущество. Теперь всѣ наказанія направляются только противъ свободы (тюрьма), имущества (штрафы, денежныя взысканія) и общественныхъ правъ (праволішенія) человѣка. Цѣлью примѣненія наказанія является желаніе подчеркнуть недопустимость въ обществѣ извѣстныхъ дѣйствій и повліять на остальныхъ членовъ общества, чтобы они не слѣдовали за дурнымъ примѣромъ, даннымъ преступникомъ. По отношенію къ самому виновному, если онъ является испорченнымъ человѣкомъ, наказаніе преслѣдуетъ цѣли исправленія, перевоспитанія или временнаго удаленія изъ общества. Наказаніе является наиболѣе часто примѣняемой мѣрой принужденія, и примѣненіе ея обставлено значительными гарантіями. Наказаніе можетъ быть назначено лишь въ силу уголовного закона, дѣйствовавшаго въ моментъ совершенія преступленія. Наказывать кого-либо безъ закона, заранѣе указавшаго, что извѣстныя дѣйствія являются преступными, было бы величайшимъ произволомъ. Это правило нашло свое выраженіе впервые во французскомъ революціонномъ кодексѣ 1791 г., и съ того времени повторяется во всѣхъ законодательствахъ. У насъ это правило было выражено въ ст. 74 основныхъ законовъ 1906 г., гласившей: «Никто не можетъ быть судимъ и наказанъ иначе, какъ за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя, дѣйствовавшими во время совершенія сихъ дѣяній, уголовными законами, если при томъ вновь изданные законы не исключаютъ совершенныхъ виновными дѣяній изъ числа преступныхъ». Невозможность обратной силы уголов-